

Дмитрий Хоботнев

Прошедший год отметился в его жизни круглой датой: Дмитрию Хоботневу исполнилось 40 лет. Возраст писательской зрелости.

Знаменитым стал он сравнительно недавно и, как представитель самого «молодого» поколения в писательской организации Кузбасса, сумел заслужить лавры, признание литературных «мэтров» и восторженные отклики читателей самого разного возраста.

Родился 26 июня 1978 года в Новокузнецке.

На вопрос, когда же начал писать, в одном из интервью ответил:

«В 4 года... Помню точно, что первым было стихотворение. В книжке увидел какую-то картинку и под впечатлением от неё написал. С тех пор и пишу – стаж большой! Со стихами редко публикуюсь. В своей прозе ставлю людей в крайние ситуации. А с крайними ситуациями люди на самом деле не часто справляются – наверное, боятся реальности, подсознательно уходят в другой мир... Для меня жанр фэнтези в современной литературе не привлекателен. Я реальности никогда не боялся, смотрел ей в лицо. Если от неё уходить, будет ещё хуже».

Дмитрий Николаевич Хоботнев – сегодня автор многочисленных публикаций, член Союза писателей России. Его сборник рассказов «Мост» был признан в Кемеровской областной организации писателей «Книгой года» (2008) в номинации «Дебют».

При этом он – горнорабочий одной из шахт. Днём – шахта, ночью – бумага и ручка. Зарабатывать на достойное существование и заниматься любимым делом – два полюса жизни новокузнецкого прозаика и поэта.

ТЕПЛО ПАХНЕТ КРОВЬЮ

Хорошо. Просто идти. Идти сквозь это тепло. Не важно, куда. Просто идти.

Чем пахнет тепло? Чем угодно. У тепла тысячи запахов. Оно может пахнуть лёгким дымом костра, цветущей черёмухой, перегаром запоздалого прохожего, озоном недавней грозы, шашлыком из придорожного кафе, новым асфальтом, выхлопом несущихся куда-то автомобилей, свежескошенной травой, крепким табаком, мокрой от дождя штукатуркой старых домов, пёстрыми красивыми цветниками, пылью, поднявшейся от внезапного порыва ветра, высокими фабричными трубами.

Калейдоскоп ароматов – разных, неповторимых.

Когда стоит холод, тоже ездят машины, дымят трубы и жарятся шашлыки, но это не то. Холод пахнет только холодом. Даже трубы, машины и шашлыки пахнут холодом. И идти сквозь него плохо. Не важно, куда идти – всё равно плохо.

Не надо. Легче забыть на время, что есть зима. Где она? До неё сотни прекрасных часов. Скамейка. Присесть, ненадолго. Фонари горят ненавязчиво. Ночь. Да, ночь. Ещё два запаха тепла: запах дня и запах ночи. Ночью лучше. В ночи больше свободных скамеек, больше смысла и совершенства.

НОВЕЛЛА

Снова в путь. Неоновые буквы тепло перебиваются в умиротворяющей неге. Ночная иллюминация фонтанов. Театральная площадь, где большие белые шары, кажется, не лежат на чугунных столбах, а плавно покачиваются в ореолах игольчатого света.

Пешеходный переход и красный глаз светофора. Можно идти. Машины спят в своих гаражах в ожидании дня, когда места станет совсем мало, когда исчезнут свободные скамейки, когда воздухом придётся делиться, а совершенство и смысл растворятся в звуковой кислоте. Ещё немного.

Школа, отдыхающая от детской беготни. У школы каникулы. Она тоже знает и любит запахи тепла. Красный кирпичный дом уже виден вдаль. Пройти наискосок через двор под неподвижными кленами. Трансформаторная будка. Какой-то шорох. Посторонний шорох. Его раньше не было в этом мире. Клёны...

...Потолок. Зачем потолок? Где небо? Тепло. Да, тепло. У тепла ещё не было такого запаха. Станный запах. Не надо потолка. Осмотреться. Снова потолок. Везде потолок. Попытаться нащупать хоть что-нибудь. Никак. Хорошо. Тогда спать. Спать...

...Потолок. Опять тепло. Запах тепла не изменился. Пошевелиться. Да, получается. Немножко, но получается. Оказывается, не только потолок есть на свете. Несколько одинаковых коек. Человеческие очертания на них. Что-то ещё. Кажется, тумбочки. Узкая полоска света на полу. Это дверь. Шаги. Тяжёлые, уверенные. Снова тишина...

...Потолок. На этот раз светло. Повернуться. Так вот они, новые запахи тепла! Запах больницы, лекарств, кварцевых ламп и медицинского спирта. Как так? Старые клёны, трансформаторная будка, шорох, больница. Какое-то неизвестное в этом уравнении. А может быть, наоборот, что-то лишнее?

Скрип. Белый халат. Очки. Стетоскоп. Надо осмотреть. Надо, так надо. Почему больница? Не надо волноваться? Так и не придётся, если получится решить уравнение. Что? Понятно. Что ещё остаётся? Только выздоравливать.

Скрип. Старые клёны – вот лишнее. Трансформаторная будка, шорох, больница. Удар тяжёлым тупым предметом. Возможно, бейсбольная бита или обрезок трубы. Не всё ли равно?

Потолок. Таблетки, уколы, томография или как её там? Потолок, соседи по палате. Уравнения удивительно схожи. Шорох, тяжёлый тупой предмет, больница. Один, только другой. Сине-чёрный шар вместо головы. Вместо тяжёлого тупого предмета – ноги. Десяток весело мелькающих в потёмках ног. Каждый день родня. Из разговоров можно узнать, что есть рецепт от бейсбольных бит, обрезков труб и десятков, сотен, даже тысяч весело мелькающих ног.

Всё просто. Надо забыть, что у тепла есть запах ночи, и всё наладится. Надо забыть, что есть свободные скамейки, и всё образуется. Надо забыть, что есть смысл и совершенство, и всё будет хорошо. И вообще, мысль о том, что идущему в одиночестве достанется больше воздуха, несовременна и опасна. Немного денег, мобильный телефон, обручальное кольцо не могут оправдать сине-чёрного шара...

...Выписка. Пожелания быть осмотрительнее. Обещания быть осмотрительнее. Такси. Красный кирпичный дом. Надо выйти ненадолго.

Никто не против, когда у тепла запах дня. Что ж, вам ещё предстоит узнать кое о чём. Вот клёны. Вот будка. Никаких шорохов. Новый телефон в кармане. Ни воспоминаний, ни страхов. Хорошо. Осталось подождать. Немного подождать...

...Что значит – куда? Прогуляться. Что значит – мало? Чего мало? Надо отказаться? Надо завести огромного страшного пса? Купить автомат. Отказаться от права просто вдыхать эти

запахи ночного тепла? Сидеть на этих скамейках? Примириться с тем, что ночная иллюминация фонтанов, белые шары, плавающие в ореолах игольчатого света, и приветливые неоновые буквы созданы для владельцев тяжёлых тупых предметов?

Назло? Из принципа? Неужели просто гулять по ночным проспектам и любоваться звёздами можно только назло? Неужели вдыхать неповторимый калейдоскоп ночного тепла можно только из принципа? Неужели пытаться обрести смысл и совершенство нельзя без постоянного страха бейсбольной биты?

Нет! Этому не бывать! Нельзя жить, растворяясь в звуковой кислоте. Нельзя бежать от каждого шороха за трансформаторной будкой и называть это жизнью.

Дурак? Пусть! Пусть дурак! Но лучше быть таким дураком, чем согласиться на разум муравейника, пчелиного роя, собачьей своры. Лучше упасть, глядя в звёздное небо, чем глядеть себе под ноги и ждать, когда небо обрушится на тебя. Ах, можно идти куда хочется? Куда хочется. А идти вовсе не хочется. Просто не идти нельзя. Стоит один раз не пойти, изменить себе, и всё это – запахи тепла, скамейка, фонтаны, деревья, звёзды – всё это отвернётся от тебя. Стоит один раз войти в муравейник, и больше он тебя не отпустит...

...Как хорошо просто идти. Не важно, куда. Маршрутов тысячи, как и запахов ночного тепла.

Старые добрые буквы с разноцветными глазами. Старый добрый воздух, которым не надо делиться. И все скамейки мира рады раскрыть свои объятия, выстроившись в почётном карауле. А вот и бульвар, призванный не забывать о солдатах, павших на войне. Каменные воины со строгими лицами. Ярко-красные маки на клумбах подобны часовым. Вдали лоскуты Вечного огня. Никакой звуковой кислоты. Назло? Из принципа? Вот смысл и совершенство, застывшие в камне. Вот огонь, пылающий в звёздной тишине. Вот доказательство правоты тех, кто не боится шорохов и обрезков труб.

Огонь всё ближе, молчаливый и вечный. Три тёмные фигуры с другой стороны. Громкое ржание. Бутылки с пивом и сигареты. Какая-то животная радость от вида одинокого путника, идущего по аллее. Как это надоело! Деньги? Телефон? Кроссовки? Неужели для этого отправлялись умирать каменные воины? Неужели для этого зажигали пламя и сажали ярко-красные маки?

Но нет. Шесть весело мелькающих ног и сине-чёрный шар пора оставить в прошлом. Та война окончилась, но идёт другая, быть может, в чём-то более страшная. А варианты всё те же. Они вечны, как этот молчаливый огонь. Победить, сдать в плен или умереть.

Удар ногой ниже пояса. Одна из тёмных фигур с хрипом катается по тёплым плитам. Война – не спорт, здесь нет запрещённых приёмов – только враг, которого надо уничтожить. Пивная бутылка в руке – первый трофей. Ни страха, ни жалости – ничего. Только ярость. Уничтожить, порвать зубами, если придётся повесить на одной из берёз, окружающих осквернённый мемориал. Растерянность на лицах, не знавших, что игра не всегда идёт по их правилам. Попытка окружить. Удар. Музыка разбивающейся о ненавистный череп бутылки. Где последний?..

Проклятый хондроз. Прострелить поясницу, когда победа уже почти в руках. Да ещё и с такой силой, что ноги подкосились. Что с вами, гады? Осталось же только добить. Деньги, телефон, кроссовки. Зачем бежать? Ведь вы победили. Надо же, как скрутило спину.

Плиты. Вечный огонь полыхает в трёх шагах. Плиты тёплые. И огонь тёплый. И тепло, такое родное тепло. Но какой-то новый запах у тебя. Как хорошо, как приятно лежать под звёздами. Дурак? Да. Наверное.

Наверное, все эти солдаты тоже были дураками и умирали назло и из принципа.

Встать. Нет. Никак. Спина совсем мокрая. Никогда ещё хондроз не бил с такой силой.

Темнеет. Какой же всё-таки странный запах у тебя сегодня, тепло! Не важно. Тысячи неповторимых запахов не помешали тебя любить. Пусть будет ещё один. Не важно. Ничего уже не важно, кроме тепла. Его не смогли отнять. Его удалось отстоять.

Темно. Лишь сполохи Вечного огня видны где-то вдали. Соединиться с ним в одно целое. Не спать. Только не спать. Назло. Из принципа. Идти. Идти. Идти...

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Дмитрию Хоботневу исполнилось 40 лет. Из них лишь считанные годы как его имя стало известно нашим читателям. За это время увидела свет небольшая, но потрясающая своим горьким лаконизмом, книга рассказов «Мост», опубликована повесть «Пастораль», в «Кузнецком рабочем» печатались рассказы «Змеи» и «Остановка в ночи». Недавно напечатано стихотворение «Как неприятен шаровидный мир...» – из новых, появившихся как бы вдруг после короткого затишья, когда верх брала проза.

Да, к слову, о прозе. В 2008 году «Мост» был назван лучшей книгой года в Кузбассе в номинации «Дебют». Что абсолютно незаслуженно, потому что «Мост» – вообще лучшая книга из написанных у нас в XXI веке, одна из лучших в России...

По моему искреннему убеждению, Дмитрий Хоботнев писатель европейского уровня. Я вспоминаю старое интервью, где он говорит, что его интересуют не какие-то глобальные проблемы, а проблемы личности «маленького человека», который «и жить в этом мире не может, и не жить не может». Вот в чём сермяга: и жить не может, и не жить не может...

Я уже слышал о вопросах: «Зачем такая безнадёга и депрессия?» И ещё: «Надо абстрагироваться от того, что вокруг – уходить от этой чернухи хотя бы в своих произведениях»... То есть автору, в данном случае Дмитрию Хоботневу, предлагают поискать «позитивчик»... В то время, когда земля вокруг нас становится нежилой, в головы вливают яд: баюшки-баю!

И ещё. Если родниковой чистоты книга прозы «Мир Благословенный» Любови Никоновой, преподнесшей читателям этот бесценный дар за шесть лет до своей кончины, (к слову, написавшей в то же время и предисловие к книге Хоботнева «Мост») целиком обращена в прошлое, то поэзия и проза Дмитрия Хоботнева адекватна нашему времени.

Валерий Немиров.

«...Дмитрий Хоботнев пробовал себя не только в прозе, но и в драматургии, и в поэзии. Отдавая должное его прозе, всё же скажу: для меня он, в первую очередь, блестящий поэт. И достоинства его рассказов, их выразительность, точность языка, возможно, выкристаллизовались на основе поэтического дара.

Предпочтение было отдано всё-таки прозе, причём поначалу Дмитрий брался за повести, писал даже роман, каждая глава которого напоминала отдельную новеллу. По ритму, построению, концентрическому размещению образов это пронзительная, композиционно безукоризненная экзистенциальная поэма... Как-то на «Гренаде» мы посоветовали ему преобразовать эти главы, действительно, в автономные новеллы. И так получилось, что Дмитрия Хоботнева читатели теперь знают преимущественно как новеллиста».

Любовь Никонова.
(СП Кузбасса, 2008 г.)